

УДК 39(092)“1885/1903”
DOI: 10.17323/19988613/73/21

А.Е. Загребин, Р.В. Зворыгин

СТЕФАН КИРОВИЧ КУЗНЕЦОВ – ЭТНОГРАФ, АРХЕОЛОГ И БИБЛИОФИЛ: ТОМСКИЕ ГОДЫ

Пореформенные годы в России стали временем поколения, в котором внутренняя свобода соединилась с чувством ответственности и желанием деятельности на общее благо. С.К. Кузнецов был одним из ярких представителей генерации исследователей финно-угорских народов России, работавших на рубеже XIX–XX вв. Восемнадцать лет являясь библиотекарем Томского университета, он изучал духовную и материальную культуру марийского и удмуртского населения Камско-Вятского региона, руководствуясь здравым смыслом и гуманистическими принципами.

Ключевые слова: этнография, археология, С.К. Кузнецов, Томск, финно-угорские народы.

Стефан (Степан) Кирович Кузнецов (1854–1913) родился в русской крестьянской семье Пахотной слободы близ уездного г. Малмыжа Вятской губернии, где звуки иной – марийской, татарской и удмуртской – речи, крой и краски одежды соседей не казались чем-то необыкновенным и в то же время будили пытливым ум¹. Умение слушать и запоминать услышанное пригодится подающему надежды юноше в Казани, куда он приедет в 1870 г., поступив на «казенный кошт» в третий класс I Казанской гимназии [2. С. 102]. Три года спустя С.К. Кузнецов стал студентом Императорского Казанского университета [3. С. 6]. Чем объясним выбор, сделанный им в пользу углубленного изучения классических языков, однозначно сказать сложно. Известно только, что, нуждаясь в средствах, он зарабатывал уроками древнегреческого языка [4. С. 257]. В 1877 г., окончив историко-филологический факультет в числе лучших, Кузнецов был оставлен при кафедре римской словесности для приготовления к профессорскому званию.

Однако в душе молодого человека уже зрел конфликт. Годом ранее его избрали в члены-сотрудники Отделения этнографии Императорского Русского Географического Общества (ИРГО) [5. С. 101–102]. На летних каникулах он пробует себя в качестве археолога, раскапывая могильник у с. Черемисский Малмыж [6]. Еще больше кандидата филологии растревожил IV археологический съезд, проходивший в начале августа 1877 г. в Казани. В 1879 г. С.К. Кузнецов принимает на себя обязанности хранителя университетского Музея этнографии, древностей и изящных искусств [7. С. 323]. В следующем году он проходит процедуры, необходимые для получения звания приват-доцента и вступает в Общество истории, археологии и этнографии при Казанском университете (ОАИЭ) [8. С. 12]. В новом статусе он совершает этнографические «экскурсии» в инородческие селения края, общаясь с языческими жрецами, муллами и православными миссионерами [9. С. 63]. Каждое лето он работает на памятниках археологии, местонахождение которых часто подсказывается народными преданиями [10]. Обладатель хорошего слога и навыка живого письма, Кузнецов продолжает

начатые им в гимназические годы опыты этнографической журналистики [11–13]. На собраниях ОАИЭ он заявляет о себе как о самостоятельном и, что важно, критически мыслящем исследователе.

В 1883 г. коллеги избирают С.К. Кузнецова секретарем ОАИЭ, рассчитывая на его аккуратность и организаторские таланты [14. С. 137]. Расширяется круг его общения, так как Казань традиционно была «окном на Восток» для ориенталистов и финно-угроведов. В эти годы зримо проявляется его интерес к разработке темы дохристианских культов и связанных с ними форм социальной организации марийцев и удмуртов [15. С. 62–63]. Казалось, все у него складывалось в позитивном ключе, хотя было что-то, не позволявшее Кузнецову быть до конца уверенным в безошибочности избранного пути.

В августе 1885 г. С.К. Кузнецов переезжает в Томск, куда его, по всей видимости, пригласил В.М. Флоринский – профессор Казанского университета и попечитель Западно-Сибирского учебного округа [16. С. 140]. Ему нужны были доверенные люди, которым можно было поручить ту или иную институцию в создаваемом университете². Таковым он, очевидно, посчитал секретаря ОАИЭ, чьи энергичные действия мог наблюдать как член Совета Общества, поручив коллеге создание университетской библиотеки.

По мысли попечителя, библиотека должна была стать сердцем всего университета, куда стекались бы передовые научные идеи, заключенные в книжный переплет, и откуда растекалось по умам знание, рождающее открытия и усовершенствования [18. С. 122]. Но обнаружились серьезные расхождения в подходах к библиотечному делу самих главных интересантов, усугубленные разницей в темпераментах³. Кузнецов писал: «...и тут же понял, что В.М. [Флоринский] любит скоро, как скоро – другой вопрос, с одним условием, чтобы по его было» [14. С. 138]. Споры и недовольство друг другом, однако, не помешали им организовать образцовый порядок в книгохранилище, каталогизируя и систематизируя собрание, только к моменту открытия насчитывавшее около ста тысяч томов [19. С. 76]. Вопрос тем не менее остается открытым: что

подвигло Кузнецова закапсулироваться в библиотеке, только ли любовь к книгам и / или желание обрести некую стабильность?

Впрочем, его деятельная натура недолго пребывала в самоизоляции⁴. Пространная статья С.К. Кузнецова, посвященная текущему состоянию марийской языческой веры, была отмечена серебряной медалью ИРГО [21; 22. С. 181]. Помня о навыках проведения раскопок и опираясь на контакты в археологических кругах, он пробует себя в «сибирском поле» [23. С. 38–39, 55, 57–59]. По поручению Совета университета летом 1889 г. Кузнецов обследует археологическое наследие окрестностей Томска. Убеждаясь в его богатстве и перспективах изучения, он негодует по поводу низкого качества ранее выполненных работ на открытом в 1887 г. Томском могильнике⁵. Продолжением стала неприятная история с третейским судом с археологом А.В. Адриановым в оспаривании первенства открытия и права на проведение натурных изысканий [25]. В сложившейся нервной обстановке ухудшается состояние здоровья Кузнецова, слабеет зрение, мучает ревматизм. Несмотря на недуги, он ведет археологические поиски на широком горизонте, вплоть до Южной Сибири, заботясь в том числе о сохранении культурного наследия от расхитителей и недобросовестных исследователей [26, 27]. Выступая в томской печати как специалист по ранним периодам истории края, он не избегал острых полемических тем, придерживаясь редакционной политики «Сибирского вестника» [28. С. 95]. Остается неясным, почему состоявшийся этнограф, оказавшись в таком этнически благодатном месте, как Западная Сибирь, не занялся изучением народов региона?

Хотя кое-что из сибирской этнографии С.К. Кузнецова интриговало, например сюжет, связанный с погребальными масками, затем развитый им в специальной статье [29]. Небольшая заметка о сибирском русском фольклоре указывает на полиморфный характер его тогдашних интересов [30]. Тем не менее авторитет Кузнецова как знатока финно-угорской этнографии был по-прежнему высок. Неудивительно, что он был первым, к кому обратился приехавший в Томск летом 1898 г. в свою первую обско-угорскую экспедицию финский этнограф У.Т. Сирелиус, в будущем первый профессор финно-угорской этнографии Хельсинкского университета⁶. Он всегда выражал благодарность Кузнецову за помощь в знакомстве с обширнейшей этнографической литературой по интересующему предмету [32. С. 57]. В том же 1898 г. состоялась встреча Кузнецова с возвращавшимся из поездки к хантам и манси венгерским этнографом Я. Янко. Общение завершилось «удачной сделкой», в результате фонд Венгерского этнографического музея пополнился коллекцией из 34 марийских вещей и авторским описанием входящих в нее предметов [33].

Оставаясь благодарным ОАИЭ, Кузнецов передал его музею коллекцию из 27 хантыйских предметов с р. Вах, состоящую из модели чума, летней юрты, нарт, стрел, охотничьего снаряжения, элементов костюма, бытовой утвари и предметов культа. Также музею была передана небольшая коллекция из 6 вещей, приобретенных у хантов Березовского округа

«одним купцом» и подаренных С.К. Кузнецову [34. С. 102].

Несколькими годами ранее его авторитет как финно-угроведа прошел жесткую проверку во время так называемого Мултанского судебного процесса, ставшего для отечественной этнографии одним из испытаний на научную зрелость. Драма, разыгравшаяся, точнее разыгранная, в 1892–1896 гг. в трех заседаниях суда в уездных городах Малмыже, Елабуге и Мамадыше, получила резонанс по всей России, писали о ней и за рубежом [35]. Шокирующая новость о том, что удмурты с. Старый Мултан Малмыжского уезда принесли в жертву языческим богам нищего К. Матюнина (русского) была тиражирована в прессе и обросла слухами, создав негативный фон еще до завершения следственных действий [36]. Важным было то, что в судебных разбирательствах весомая роль отводилась этнографическим экспертам.

Экспертом стороны обвинения был определен профессор Казанского университета И.Н. Смирнов, автор ряда работ по этнографии восточно-финских народов [37, 38]. Ему неофициально оппонировал московский этнограф П.М. Богаевский, безусловно, честный ученый, но недостаточно знающий край и особенности взаимоотношений его жителей [39]. Многие понимали, что самым сведущим исследователем дохристианского культа удмуртов был С.К. Кузнецов. Он и сам стремился в родные места, но сдерживала однозначно обвинительная позиция попечителя учебного округа⁷. Выступая в печати и в научных обществах, Кузнецов говорил о безосновательности обвинений, выдвинутых против удмуртов (к тому же православных), о надуманности аргументации эксперта Смирнова [40, 41]. Он готовился прибыть по приглашению защиты на третье заседание суда, которое должно было состояться 28 мая 1896 г. в г. Мамадыше.

Суд отказал С.К. Кузнецову в допуске к экспертному свидетельствованию, что, наверняка, больно затронуло его профессиональное самолюбие, заставляя не раз обращаться к «мултанской теме» [42. С. 102–103]. Вот что писал ему общественный защитник удмуртов писатель В.Г. Короленко: «Многоуважаемый Степан Кирович. Вам, вероятно, уже известно из газет, что в просьбе защиты о вызове экспертов и свидетелей по мултанскому делу – вновь отказано. Это, разумеется, равносильно отказу в правосудии для бедных вотяков; еще неизвестно, чем это кончится, но все-таки делаем усилия, чтобы и при самых неблагоприятных условиях доказать невинность этих жертв полицейского усердия и псевдоученого профессорского честолюбия. Не будете ли добры дать защите несколько добрых советов по этнографической части. Что было бы важно прочитать и на что обратить особенное внимание? Я уже кое-что собрал, но, будучи уверен в Вашем участии, я не так заботился обо всем этом, как это необходимо теперь... Я глубоко убежден, что нам удастся спасти не только вотяков, но и суд от этой позорной травли заведомо для всякого образованного человека невинных людей» [43. С. 107]. По итогам восьмидневного заседания присяжные вынесли оправдательный приговор.

В причинах случившегося Кузнецов видел давнее печальное состояние миссионерского дела, кроме того, оставшегося без опеки директора Казанской учительской (инородческой) семинарии Н.И. Ильминского, и сугубо формальное, порой корыстное отношение чиновничества к нерусским народам края.

Выслужив в 1903 г. положенный срок и выйдя в отставку статским советником, С.К. Кузнецов передал в надежные руки университетскую библиотеку и переехал в Москву. Сохраняя теплое чувство к Томску и Сибири в целом, он ведет кружок сибирской библиографии при Русском Библиографическом Обществе Московского университета, где со студентами-сибиряками собирает историографический свод данных об истории края [4. С. 258]. За время, проведенное в археолого-этнографическом поле и библиотеке, им было накоплено много интересного материала, пришлось время преподавать и публиковать.

В московский период жизни С.К. Кузнецов сблизился с этнографами, входившими в Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (ИОЛЕАЭ).

Неслучайно большая часть его работ того периода выходила в журнале Этнографического отдела ИОЛЕАЭ «Этнографическое обозрение» [44–48]. В 1907 г. он вошел в число учредителей Московского археологического института, определяя образовательные стратегии будущих археологов и археографов. Курс, прочитанный в 1907/1908 учебном году, Кузнецов посвятил финноязычному населению северо-восточной Руси [49]. Чувствуя перспективы начатого, он шел дальше на восток, к мордве [50]. Возможно, в его планах был еще более широкий исследовательский горизонт, но продолжало подводить здоровье.

В 1912 г. ощущая, что силы его слабеют, С.К. Кузнецов покидает Москву. Он стремился в Малмыж, чьи пределы никогда не покидал надолго⁸. В родной город он перевез немалую часть своей библиотеки и этнографических собраний, надеясь, что накопленные «богатства» пригодятся землякам. Пройдет пять лет с его смерти, закончится одна война и начнется новая, и в Малмыже возникнет Историческое Общество⁹. Книги и мысли профессора Кузнецова еще долго будут служить его ученикам и продолжателям.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ С.К. Кузнецов писал: «Еще в детстве, болтая у дедушки на пчельнике со сторожем Павлом (черемисиним завятской стороны), я понемногу выспрашивал его о всякой всячине и учился у него по-черемиски» (т.е. марийскому языку). В своих воспоминаниях Кузнецов также упоминает волостного заседателя Филиппа Трифонова (природного вотяка. – А.З., Р.З.), учившего его в детстве удмуртскому языку [1. С. 29, 31].

² Профессор В.М. Флоринский (1834–1899) был известным врачом и высокопоставленным чиновником Министерства народного просвещения, а также археологом-любителем, придерживавшимся идеи существования «большого славянского мира» в древности. Еще в первые годы существования ОАИЭ он выступил с проектом создания в Казани публичного историко-этнографического музея [17].

³ Описывая взаимоотношения с попечителем учебного округа, С.К. Кузнецов признавался: «Моя стрелецкая кровь частенько бурлит от таких фантазий... Душевно сознаю, что, может быть, не всегда умел соблюсти правила субординации: может, сгрубил иногда» [14. С. 139].

⁴ Не имея возможности выехать из Томска на Общее собрание ИРГО, на котором должен был прозвучать его доклад, С.К. Кузнецов мог надеяться только на товарищей и не ошибался: «...Ф.М. Истомин, секретарь Отделения Этнографии, прочел выдержки из составленного членом сотрудником С.К. Кузнецовым описания остатков язычества черемис» [20. С. 555].

⁵ С.К. Кузнецов писал: «Посетив заброшенные с 1887 г. раскопки г. Адрианова на правом мысу в первых числах июня прошлого года совместно с доцентом Гельсингфорского университета, д-ром филол. А.О. Гейкелем, мы невольно обратили внимание на это обстоятельство. Когда же мы принялись рассматривать и слегка разрывать руками отвал земли, вынутой г. Адриановым из центра малого кургана, то нашли бронзовую бусу, точильный брусок из песчаника и обломок кольцеобразного предмета из неизвестного твердого сплава (но не бронзы)...» [24. С. 58].

⁶ У.Т. Сиреллиус вспоминал, что по приезде в Томск он побывал в доме С.К. Кузнецова, и они весь вечер, почти до утра, проговорили о проблемах антропологии [31. С. 59].

⁷ С.К. Кузнецов сожалел: «При участии некоторых лиц собрал я постепенно всю газетную и журнальную литературу о мултанском жертвоприношении, но по разным причинам не успел написать и опубликовать своей статьи ранее вторичного разбирательства. С моей стороны это было тяжкое этнографическое преступление, но совершено оно было в силу отдаленности моей службы от театра действий и еще – главным образом – потому, что тогдашний попечитель учебного округа Флоринский, сам семинарист... был за обвинение несчастных вотяков... Не мудрено, что я вынужден был молчать, хотя и мог сказать больше других» [1. С. 34–35].

⁸ «Еще с 1873 года началось изучение древностей Малмыжского уезда и в течение 40 лет малмыжский уроженец, профессор Московского археологического института Степан Кирович Кузнецов собирал сведения о прошлом нашего родного края. Каждый год, приезжая летом в Малмыж, Степан Кирович совершал... поездки по уезду, собирал коллекции древностей и национальных костюмов, записывал предания и изучал язык, обычаи и верования местных вотяков и черемис. Население привыкло к тому, что есть человек, который интересуется стариной, собирает древности и предания. О старине начинали говорить, невольно припоминали забытые легенды и во многих, может быть, вспыхивал интерес к прошедшим векам, ярким светом разгоралась искра, тлевшая прежде в глубине души» [51].

⁹ «Нам остается пожалеть, что Степану Кировичу не пришлось дожить до основания Исторического Общества и что мысль об открытии в Малмыже этого Общества возникла как раз в то время, когда он уже умирал. Впервые слова о том, что малмыжане должны изучать свою историю, в которой есть много интересного и поучительного, эти слова открыто раздали лишь над раскрытой могилой покойного профессора, во время его похорон 14 августа 1913 года. Но дело покойного Степана Кировича не умерло вместе с ним» [52. С. 2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецов С.К. Из воспоминаний этнографа // Этнографическое обозрение. 1906. Кн. 68-69, № 1-2. С. 29–51.
2. Забудский О. Некоторые данные к биографии археолога Ст. Кир. Кузнецова // Труды Малмыжского музея местного края. 1925. Июль–сентябрь. Вып. 9. С. 101–103 / Малмыжский краеведческий музей. Ед. хр. 7685. Рукопись.
3. Семibrатов В.К. О жизни и творчестве С.К. Кузнецова // С.К. Кузнецов. Святые. Культ предков. Древняя история. Йошкар-Ола : Марийск. кн. изд-во, 2009. С. 5–15.
4. Иваск У.Г. Некролог С.К. Кузнецова // Библиографические известия. 1913. № 3. С. 257–258.
5. Журнал заседания Отделения этнографии – 22 апреля 1877 г. // Известия Императорского Русского Географического Общества. 1877. Т. 13. С. 101–103.
6. Кузнецов С.К. Атамановы кости: Могильник бронзовой эпохи близ села Черемисского Малмыжа и деревни Ахпая, в Малмыжском уезде Вятской губернии // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1884. Т. 3. С. 394–410.

7. Богданов В.В. С.К. Кузнецов // Этнографическое обозрение. 1913. Кн. 96-97, № 1-2. С. 323–324.
8. Протокол XVI заседания Совета, 1 апреля 1880 года // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1885. Т. 4. С. 11–12.
9. Протокол XIX Общего Собрания, 28 апреля 1881 года // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1885. Т. 4. С. 59–63.
10. Кузнецов С.К. Предварительное сообщение о результатах раскопок над Ройским истоком на границе Уржумского и Малмыжского уездов Вятской губернии, произведенных летом 1881 г. // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1884. Т. 3. С. 326–329.
11. Кузнецов С.К. Черемисские мольбища, жреческая иерархия и жертвенные пиры // Вятские губернские ведомости. 1882. № 84.
12. Кузнецов С.К. Поминки у черемис // Вятские губернские ведомости. 1884. № 12.
13. Кузнецов С.К. Загробные верования черемис // Казанские губернские ведомости. 1884. № 24.
14. Смирнов А.С. Стефан Кирович Кузнецов – член Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2017. Т. 37, № 4. С. 134–155.
15. Попов Н. Вклад С.К. Кузнецова в изучение традиций марийцев и удмуртов // Финно-угроведение. 2005. № 1. С. 58–78.
16. Сеченова А.А. Василий Маркович Флоринский – первый попечитель Западно-Сибирского учебного округа // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. № 12. С. 139–141.
17. Проект Публичного историко-этнографического музея, составлен проф. В.М. Флоринским // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1878. Т. 1. С. 126–140.
18. Коршунова (Толстова) А.А. Библиотека Императорского Томского университета в дореволюционный период // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 4. С. 121–126.
19. Есипова В.А. Кузнецов Степан (Стефан) Кирович // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья : материалы к энциклопедии Томской области / ред. Э.И. Черняк. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 76–78.
20. Журнал Общего собрания Императорского РГО – 2 октября 1885 года // Известия Императорского Русского Географического Общества. 1885. Т. 21. С. 555.
21. Кузнецов С.К. Остатки язычества у черемис (с рис. г. Рейнгольма и введением Ф.М. Истомина) // Известия Императорского Русского Географического Общества. 1885. Т. 21. С. 449–479.
22. Алфавитный список лиц, удостоенных наград Императорского Русского Географического Общества. СПб., 1905–1907.
23. Матюшенко В.И. 300 лет сибирской археологии. Омск : Омский гос. ун-т., 2001. Т. 1. 179 с.
24. Кузнецов С.К. Отчет об археологических разысканиях в окрестностях г. Томска, произведенных летом 1889 года: с картою, планом и четырьмя таблицами рисунков и чертежей. Томск : Типо-лит. В.В. Михайлова и П.И. Макушина, 1890. 78 с.
25. Смирнов А.С. Третейский суд о Томском могильнике // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 369. С. 96–103.
26. Кузнецов С.К. К вопросу об охране древностей от истребления // Сибирский вестник. 1894. № 114.
27. Кузнецов С.К. Ложная ученость. Томск : Тип. «Сибирского вестника», 1888. 16 с.
28. Жилиякова Н.В. Книжные проекты редакций сибирских газет (на примере томской «Сибирской газеты» 1880-е гг.) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2012. № 1. С. 89–97.
29. Кузнецов С.К. Погребальные маски, их употребление и значение // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1906. Т. 22. С. 75–118.
30. Кузнецов С.К. Из сибирской народной сатиры // Этнографическое обозрение. 1906. Кн. 67, № 4. С. 118–119.
31. Lehtonen J.U.E. U.T. Sirelius ja kansatiede. Helsinki : Suomen muinaismuistoyhdistys, 1972. 303 s.
32. Sirelius U.T. S.K. Kuznecov // Finnisch-Ugrische Forschungen. 1913. Bd. 13, Heft 1-3, Anzeiger. S. 57–58.
33. Kerezi Á. A Kuznecov-gyujtemény. A Néprajzi Múzeum legrégebi mari tárgyai // Néprajzi Értesítő. 2006. Vol. 87. Ol. 99–116.
34. Гушина Е.Г. Этнографическое собрание Императорского Казанского университета: история формирования и развития. Казань : КФУ, 2019. 252 с.
35. Луппов П.Н. Библиография по Мултанскому делу // Записки УдНИИ. 1936. Вып. 5. С. 120–134.
36. Логинова И.В. Отношение российской общественности и власти к мултанскому делу в конце XIX века : дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2002. 251 с.
37. Смирнов И.Н. Следы человеческих жертвоприношений в поэзии и религиозных обрядах приволжских финнов : публичная лекция, читанная 31 марта 1889 года в пользу Общества археологии, истории и этнографии. Казань : тип. Казан. бирж. листка, 1889. 22 с.
38. Смирнов И.Н. Вотяки : историко-этнографический очерк. Казань : тип. Императорского университета, 1890. 356 с.
39. Богаевский П.М. Мултанское моление вотяков в свете этнографических данных. М. : Изд. кн. магазина Гросман и Кнебель, 1896. 112 с.
40. Кузнецов С.К. Мнимое человеческое жертвоприношение // Казанский биржевой листок. 1895. № 204.
41. Кузнецов С.К. О мултанском деле // Сибирский вестник. 1895. № 173, 175, 176.
42. Кузнецов С.К. Успехи этнологии в деле изучения финнов Поволжья за последние тридцать лет // Этнографическое обозрение. 1910. Кн. 84-85, № 1-2. С. 102–103.
43. Короленко В.Г. Кузнецов С.К., 30 апреля 1896 г. // Короленко В.Г. Собр. соч. М. : Гослитиздат, 1956. Т. 10.
44. Кузнецов С.К. Культ умерших и загробные верования луговых черемис // Этнографическое обозрение. 1904. Кн. 60. С. 67–90; Кн. 61. С. 56–109.
45. Кузнецов С.К. Общинные порядки у вотяков Мамадышского уезда Казанской губернии // Этнографическое обозрение. 1904. Кн. 63. С. 24–49.
46. Кузнецов С.К. Поездка к древней черемисской святыне, известной со времен Олеария // Этнографическое обозрение. 1905. Кн. 64, № 1. С. 129–157.
47. Кузнецов С.К. К вопросу о Биармии. Обзор исторических, археологических и этнографических данных // Этнографическое обозрение. 1905. Кн. 65-66. С. 1–95.
48. Кузнецов С.К. Черемисская секта Кугу Сорта // Этнографическое обозрение. 1908. Кн. 79, № 4. С. 1–59.
49. Кузнецов С.К. Русская историческая география : курс лекций, читанных в Московском археологическом институте в 1907–1908 г. М. : Моск. археологический ин-т, 1910. Вып. 1 (мера, мещера, мурома, весь). 202 с.
50. Кузнецов С.К. Русская историческая география : курс лекций, читанных в Московском археологическом институте в 1908–1909 г. М. : Моск. археологический ин-т, 1912. Вып. 2 (мордва). 73 с.
51. Предшественник Малмыжского Исторического Общества // Малмыжский краеведческий музей. Ед. хр. 308.
52. Возникновение Малмыжского Исторического Общества // Малмыжский краеведческий музей. Ед. хр. 308.

Aleksei E. Zagrebina, Komi Science Centre UB RAS (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: zagreb72@izh.com

Roman V. Zvorygin, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: vatmana3@inbox.ru

STEFAN KIROVICH KUZNETSOV – ETHNOGRAPHER, ARCHAEOLOGIST AND BIBLIOPHILE: THE TOMSK YEARS

Keywords: ethnography, archeology, S.K. Kuznetsov, Tomsk, Finno-Ugric people.

In the history of Russian ethnographic science, as well as archeology and related disciplines, many historiographic gaps remain to this day. The reason for this can be called the priority attention of researchers to the scientists of the “first plan”, whose discoveries for

decades to come have outlined the main paths for the development of vast areas of knowledge. At the same time, the works of numerous workers of science of the “second plan” often remained in the shadows, despite the significant value of their searches for one or another area of scientific activity. Without trying to find out the motives and circumstances of why Stefan Kirovich Kuznetsov (1859–1913), recognized in the professional community, did not become one of the leaders of Russian ethnography or archeology, we will focus on studying one of the key episodes of his scientific biography related to his service as a senior librarian of the Imperial Tomsk University in 1885–1903.

Having arrived in Western Siberia as an already established scientist, the author of numerous publications on ethnography and archeology of the Finno-Ugric peoples of the Kama-Vyatka Territory, S.K. Kuznetsov nonetheless focused on his commitment to compiling the university library. Despite some contradictions with the initiator of the creation of the university, he managed to organize an exemplary order in the book depository, cataloging and organizing the collection, which by that time numbered about one hundred thousand volumes. Simultaneously with scrupulous work in the library, Stefan Kirovich conducted field research, continued to study the features of the traditional beliefs of the Finno-Ugric peoples, and actively published in leading scientific journals. During his Tomsk years, there are numerous contacts of S.K. Kuznetsov with the leading ethnographers of that time, as well as famous Western Finno-Ugric scholars – W.T. Sirelius and J. Yanko, who later recalled the meetings that had taken place and thanked him for his help in getting acquainted with the vast ethnographic literature and museum exhibits on the subject of interest. A special event in his life was his introduction to the notorious Multan trial, which became for him a kind of test for civic maturity and professional integrity.

During the Moscow period of his scientific path, Stefan Kirovich repeatedly fondly recalled the years he spent in Siberia, and continued to research the vast ethnographic material presented to him by a distant land.

REFERENCES

1. Kuznetsov, S.K. (1906) Iz vospominaniy etnografa [From the memoirs of an ethnographer]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 68–69(1–2). pp. 29–51.
2. Zabudskiy, O. (1925) Nekotorye dannye k biografii arkhologa St. Kir. Kuznetsova [Some data on the biography of the archaeologist S.K. Kuznetsov]. *Trudy Malmyzhskogo muzeya mestnogo kraya*. 9. pp. 101–103.
3. Semibratov, V.K. (2009) *Svyatyni. Kul't predkov. Drevnyaya istoriya* [Shrines. Ancestor cult. Ancient history]. Yoshkar-Ola: Mariysk. kn. izd-vo. pp. 5–15.
4. Ivask, U.G. (1913) Nekrolog S.K. Kuznetsova [Obituary of S.K. Kuznetsov]. *Bibliograficheskie izvestiya*. 3. pp. 257–258.
5. Imperial Russian Geographical Society. (1877) *Zhurnal zasedaniya Otdeleniya etnografii – 22 aprelya 1877 g.* [Journal of the meeting of the Department of Ethnography – April 22, 1877]. Vol. 13. pp. 101–103.
6. Kuznetsov, S.K. (1884) Atamanovy kosti: Mogil'nik bronzovoy epokhi bliz sela Cheremisskogo Malmyzha i derevni Akhpaya, v Malmyzhskom uезде Vyatskoy gubernii [Ataman bones: Bronze Age burial ground near the village of Cheremissky Malmyzh and the village of Akhpaya, in the Malmyzh district of Vyatka province]. *Izvestiya Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete*. 3. pp. 394–410.
7. Bogdanov, V.V. (1913) S.K. Kuznetsov [S.K. Kuznetsov]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 96–97(1–2). pp. 323–324
8. Association of Archeology, History and Ethnography at Kazan University. (1885) Protokol XVI zasedaniya Soveta, 1 aprelya 1880 goda [Protocol of the 16th Council meeting, April 1, 1880]. *Izvestiya Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete*. 4. pp. 11–12.
9. Association of Archeology, History and Ethnography at Kazan University. (1885) Protokol XIX Obshchego Sobraniya, 28 aprelya 1881 goda [Minutes of the 19th General Assembly, April 28, 1881]. *Izvestiya Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete*. 4. pp. 59–63.
10. Kuznetsov, S.K. (1884) Predvaritel'noe soobshchenie o rezul'tatakh raskopok nad Royskim istokom na granitse Urzhumskogo i Malmyzhskogo uезdov Vyatskoy gubernii, proizvedennykh letom 1881 g. [A preliminary report on the results of excavations over the Roysky source on the border of the Urzhum and Malmyzh districts of the Vyatka province, carried out in the summer of 1881]. *Izvestiya Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete*. 3. pp. 326–329.
11. Kuznetsov, S.K. (1882) Cheremisskie mol'bishcha, zhrecheskaya ierarkhiya i zhertvennye piry [Cheremis prayers, priestly hierarchy and sacrificial feasts]. *Vyatskie gubernskie vedomosti*. 84.
12. Kuznetsov, S.K. (1884) Pominki u cheremis [Cheremis funeral feast]. *Vyatskie gubernskie vedomosti*. 12.
13. Kuznetsov, S.K. (1884) Zagrobnye verovaniya cheremis [Afterlife Beliefs in Cheremis]. *Kazanskie gubernskie vedomosti*. 24.
14. Smirnov, A.P. (2017) Stefan Kirovich Kuznetsov – chlen Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete [Stefan Kirovich Kuznetsov – member of the Association of Archeology, History and Ethnography at Kazan University]. *Izvestiya Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete*. 4(37). pp. 134–155.
15. Popov, N. (2005) Vklad S.K. Kuznetsova v izuchenie traditsii mariytssev i udmurtov [S.K. Kuznetsov's contribution to the study of the traditions of the Mari and Udmurts]. *Finno-ugrovedenie*. 1. pp. 58–78.
16. Sechenova, A.A. (2009) Vasilii Markovich Florinskiy – pervyy popechitel' Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga [Vasily Markovich Florinsky – First Trustee of the West Siberian School District]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. 12. pp. 139–141.
17. Florinskiy, V.M. (1878) Proekt Publichnogo istoriko-etnograficheskogo muzeya [A project of public historical and ethnographic museum]. *Izvestiya Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete*. 1. pp. 126–140.
18. Korshunova (Tolstova), A.A. (2012) The library of Imperial Tomsk State University in the pre-revolutionary period. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kulturologiya i Iskustvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 4. pp. 121–126. (In Russian).
19. Esipova, V.A. (2001) Kuznetsov Stepan (Stefan) Kirovich [Kuznetsov Stepan (Stefan) Kirovich]. In: Chernyak, E.I. (ed.) *Narody i kul'tury Tomsko-Narymskogo Priob'ya. Materialy k entsiklopedii Tomskoi oblasti* [Peoples and cultures of the Tomsk-Narym Ob. Materials for the encyclopedia of the Tomsk region]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 76–78.
20. Imperial Russian Geographical Society. (1885) *Zhurnal Obshchego sobraniya Imperatorskogo RGO – 2 oktyabrya 1885 goda* [Journal of the General Meeting of the Imperial Russian Geographical Society – October 2, 1885]. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*. 21. p. 555.
21. Kuznetsov, S.K. (1885) Ostatki yazychestva u cheremis [The remnants of paganism in Cheremis]. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*. 21(6). pp. 449–479.
22. Imperial Russian Geographical Society. (1905–1907) *Alfavitnyy spisok lits, udostoennykh nagrad Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [Alphabetical List of Persons Awarded by the Imperial Russian Geographical Association]. St. Petersburg: [s.n.].
23. Matyushchenko, V.I. (2001) *300 let sibirskoy arkhologii* [300 years of Siberian archeology]. Vol. 1. Omsk: Omsk State University.
24. Kuznetsov, S.K. (1890) *Otchet ob arkhologicheskikh razyskaniyakh v okrestnostyakh g. Tomsk, proizvedennykh letom 1889 goda: s kartoyu, planom i chetyremya tablitsami risunkov i chertezhey* [Report on archaeological searches in the vicinity of Tomsk, made in the summer of 1889: with a map, plan and four tables of drawings and drawings]. Tomsk: V.V. Mikhaylov i P.I. Makushin.

25. Smirnov, A.P. (2013) Arbitration court on Tomsk burial ground. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 369. pp. 96–103. (In Russian).
26. Kuznetsov, S.K. (1894) K voprosu ob okhrane drevnostey ot istrebleniya [On protection of antiquities from extermination]. *Sibirskiy vestnik*. 114.
27. Kuznetsov, S.K. (1888) *Lozhnaya uchenost'* [False scholarship]. Tomsk: Tip. "Sibirskogo vestnika".
28. Zhilyakova, N.V. (2012) Book projects of editorial offices of siberian newspapers (by Tomsk "Sibirskaya Gazeta", 1880s). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 1. pp. 89–97. (In Russian).
29. Kuznetsov, S.K. (1906) Pogrebal'nye maski, ikh upotreblenie i znachenie [Funeral masks, their use and significance]. *Izvestiya Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete*. 22. pp. 75–118.
30. Kuznetsov, S.K. (1906) Iz sibirskoy narodnoy satiry [From Siberian folk satire]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 4. pp. 118–119.
31. Lehtonen, J.U.E. (1972) *U.T. Sirelius and ethnology*. Helsinki: Suomen muinaismuistoyhdistys.
32. Sirelius, U.T. (1913) S.K. Kuznetsov [S.K. Kuznetsov]. *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 13(1-3). pp. 57–58.
33. Kerezsi, Á. (2006) A Kuznecov-gyűjtemény. A Néprajzi Múzeum legrégebbi mari tárgyai. *Néprajzi Értésítő*. 87. pp. 99–116.
34. Gushchina, E.G. (2019) *Etnograficheskoe sobranie Imperatorskogo Kazanskogo universiteta: istoriya formirovaniya i razvitiya* [Ethnographic collection of the Imperial Kazan University: the history of formation and development]. Kazan: Kazan Federal University.
35. Luppov, P.N. (1936) Bibliografiya po Multanskomu delu [Bibliography on the Multan case]. *Zapiski UdNII*. 5. pp. 120–134.
36. Loginova, I.V. (2002) *Otnoshenie rossiyskoy obshchestvennosti i vlasti k multanskomu delu v kontse XIX veka* [The attitude of the Russian public and authorities towards the Multan case in the late 19th century]. History Cand. Diss. Nizhny Novgorod.
37. Smirnov, I.N. (1889) *Sledy chelovecheskikh zhertvoprinosheniy v poezii i religioznykh obryadov privolzhskikh finnov: publichnaya leksiya, chitannaya 31 marta 1889 goda v pol'zu Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii* [Traces of human sacrifice in poetry and religious rites of the Volga Finns: Public lecture delivered on March 31, 1889, in favor of the Society of Archeology, History and Ethnography]. Kazan: tip. Kazan. birzh. listka.
38. Smirnov, I.N. (1890) *Votyaki. Istoriko-etnograficheskii ocherk* [Votyaki. Historical and ethnographic essay]. Kazan: Imperial University.
39. Bogaevsky, P.M. (1896) *Multanskoe molenie votyakov v svete etnograficheskikh dannykh* [Votak multan prayer in the light of ethnographic data]. Moscow: Grosman & Knebel.
40. Kuznetsov, S.K. (1895a) Mnimoe chelovecheskoe zhertvoprinoshenie [Imaginary human sacrifice]. *Kazanskiy birzhevoy listok*. 204.
41. Kuznetsov, S.K. (1895b) O multanskom dele [About the Multan case]. *Sibirskiy vestnik*. 173, 175, 176.
42. Kuznetsov, S.K. (1910) Uspekhi etnologii v dele izucheniya finnov Povolzh'ya za poslednie tridsat' let [The successes of ethnology in the study of the Volga Finns over the past thirty years]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 84(1). pp. 102–103.
43. Korolenko, V.G. (1956) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Moscow: Goslitizdat. Vol. 10.
44. Kuznetsov, S.K. (1904) Kul't umershikh i zagrobnye verovaniya lugovykh cheremis [The cult of the dead and the afterlife beliefs of meadow Cheremis]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 60. pp. 67–90.
45. Kuznetsov, S.K. (1904) Obshchinnye poryadki u votyakov Mamadyshskogo uezda Kazanskoj gubernii [Community orders at the Votyaks of the Mamadysh district of the Kazan province]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 63. pp. 24–49.
46. Kuznetsov, S.K. (1905) Poezdka k drevney cheremisskoy svyatyne, izvestnoy so vremen Oleariya [A trip to the ancient Cheremis shrine, known since the time of Olearius]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 64(1). pp. 129–157.
47. Kuznetsov, S.K. (1905) K voprosu o Biarmii. Obzor istoricheskikh, arkhologicheskikh i etnograficheskikh dannykh [On Biarmia. Overview of historical, archaeological and ethnographic data]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 65–66. p. 1–95.
48. Kuznetsov, S.K. (1908) Cheremisskaya sekta Kugu Sorta [Cheremis Sect Kugu Varieties]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 79(4). pp. 1–59.
49. Kuznetsov, S.K. (1910) *Russkaya istoricheskaya geografiya : kurs lektsiy, chitannykh v Moskovskom arkhologicheskom institute v 1907–1908 g.* [Russian historical geography: a course of lectures delivered at the Moscow Archaeological Institute in 1907–1908]. Moscow: Moscow Archaeological Institute.
50. Kuznetsov, S.K. (1912) *Russkaya istoricheskaya geografiya : kurs lektsiy, chitannykh v Moskovskom arkhologicheskom institute v 1908–1909 g.* [Russian historical geography: a course of lectures delivered at the Moscow Archaeological Institute in 1908–1909]. Moscow: Moscow Archaeological Institute.
51. Malmyzh Historical Society. (n.d.) *Predshestvennik Malmyzhskogo Istoricheskogo Obshhestva* [The predecessor of the Malmyzh Historical Society]. Malmyzh Museum of Local Lore. Fund 308.
52. Malmyzh Historical Society. (n.d.) *Vozniknovenie Malmyzhskogo Istoricheskogo Obshhestva* [The foundation of the Malmyzh Historical Society]. Malmyzh Museum of Local Lore. Fund 308.